

Иоланта

Сержантова

Родина чувств

6+

Иоланта Ариковна Сержантова

Родина чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42875707

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-00140-189-6

Аннотация

Сборник рассказов, сказок, эссе и новелл. Большая часть из них – о природе. Истории о животных, описанные в книге, реальны и помогают понять, как они себя ведут в естественной среде обитания, раскрывают особенности их настоящей жизни и взаимоотношений друг с другом и соседями по планете. В книге описано то, что невозможно наблюдать в зоопарке. Небольшая повесть о цирке «Побочный эффект», открывает скрытую от зрителей часть циркового мира.

Содержание

Чувство Родины	4
Кусочек лета	10
Ты не поймёшь...	12
Подражание	16
Болван	19
Мороженое	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28
2	

Чувство Родины

Посечённый тенью в предновогоднее кружево лист кувшинки был утомлён необходимостью удерживать на плаву тяжёлое тело лягушки и негромко стонал:

– Нет. Ну, когда это кончится?! Ну, есть же мера всему! Есть, в конце концов, какие-то нормы приличия!

Сосна, чьи молодые побеги улыбались солнцу новогодними ярко-зелёными худенькими свечками, согласно закивала в ответ:

– Не худо было бы им думать иногда не только о себе!

– О ком это вы, – поинтересовался Лист. – Не наблюдаю я что-то охотников развалиться в ваших объятиях. Йог тут у нас – на весь лес один. Да и тот предпочитает не ходить по иглам, а носить их на себе.

– Я слышу иронию в ваших речах, но не разделяю её. В вашем положении непросто сохранять хладнокровие.

– Это в каком таком «моём положении», разрешите узнать, – возмутился Лист.

– Ну, как же. Денно и ночью киснуть в луже несвежей воды... Поневоле станешь негодовать на весь свет!

– Ах так?! Ну, по-крайней мере, я не стою столбом на одном месте, а могу путешествовать!

– По своему водоёмчику, что ли?! Не смешите мои почки, любезный! К тому же, вы, как собачка на поводке. Дальше

стебля не дотянетесь! Чуть только вообразите себя свободным – стоп! Шалишь! А ну-ка, назад!

– По-крайней мере, мой поводок меня слушается! Захочу – его больше отпустят, на всю дину воды! До любого края дотянусь!

– Дотянешься – дотянешься, ты же мой наивный! Кто ж с этим спорит. Только видел я, что там у тебя, под юбками воды-то! Ви-дел!

– И что ж ты там *ТАКОГО* углядел, глазастый ты наш?! – в сердцах воскликнул Лист.

– У тебя там такой оковалок, глядеть страшно.

– А оковалок, это у нас что? – поинтересовался Лист.

– А это у нас кусок мясной туши подле таза. – отозвалась Сосна.

– Ну, так и что? – неожиданно миролюбиво отреагировал Лист. – Всё логично. Ты ж сама сказала, что «под юбками», а что у людей под юбкой? Таз!

– Ага, анаАтом ты наш доморощенный...

– Да что такого-то?

– Да то такого, юморист. Ты не человек, между прочим.

– Не человек... – вздохнул Лист. – Так что, оковалок-то мой и вправду так страшен? – поинтересовался он у Сосны.

– Не то слово. Я увидела, думаю, зачем в воду портить, прятать в ней такое. Кость белая, толстая, связки-сухожилия болтаются. А потом, мне сверху-то видно было, вода прозрачная, гляжу – от этой штуки язычок зелёный, вроде ка-

пустного листа, оттопырился. Потом другой. Дальше – больше. Как этих, капустных, стало много, показался отросток крепенький такой, симпатичный. В виде трубочки. До поверхности дотянулась и развернулась трубочка листочком. Ровным таким, красивым, как ты.

– С чего это ты меня к красивым причислил? Только ругались, а ты теперь вон как.

– Хи-хи. Так я не тебя красивым называю, а того, кто до тебя был! – сверкнула каплей смолы Сосна и рассмеялась.

– Ну, а дальше-то что?

– А дальше – ещё трубочки пошли, листиков много стало, почти всю поверхность воды укрыли, как лоскутным одеялом. Дна-то и не видно. Кажется – наступи и иди. Да только, если наступишь, листики развернутся, ребром на воду встанут, и – камнем на дно уйдёт ходок-то наш.

– А кто он? – поинтересовался Лист.

– Кто-кто? – удивилась Сосна.

– Кто это ходок-то, ты ж не сказала!

– Да любой, кто тяжелее лягушки!

– А... – разочарованно протянул Лист. – Я-то думал...

– Чего ты думал, дурень? – возмутилась Сосна. – Я ж о тебе тебе и рассказываю. Ты сам за себя не знаешь, что к чему?

– Гм. Да кто ж о себе сам всё знает? У меня оно всё – от моего собственного зелёного лица. Как МНЕ кажется. Как я чувствую. Понимаешь?

– Понимаю.

– А со стороны – то всё иначе, чем, когда изнутри. Бывает, скажешь кому слово, аж пожелтеешь весь от гнева. Сдерживаешься, сохнешь. А со стороны глянь – всё чинно, прилично.

– Знакомо...

– У тебя что, тоже так бывает, да?

– Конечно, а как иначе? Все мы одинаковые.

– Скажешь тоже. Ты вон какая красавица, а я – оковалок какой-то, упрятанный в пучине, подальше от посторонних глаз.

– Эй! Не кисни! Что за ерунда!? Ты цветы свои видел?

– Нет...

– У некоторых из твоих трубочек, копьём на кончике, такая рюмочка-бутон. Кулачок. Когда до поверхности воды дотягивается, полежит-передохнёт сперва, а после разжимает пальцы лепестков. Нежные, снежные, жемчужные...! А в центре медовым ломтиком – пест.

– Пест? А что это такое?

– Фу ты. Умеешь ты низвергнуть очарование момента с его легковесного ложа.

–...

– Пестик это! Тот, что в центре цветка!

– А.. – разочарованно протянул Лист. – А касательно «низвергнуть», так то – как иначе? С моим-то положением, научишься. То рыба сбоку грызёт, как арбуз, хруст на весь

водоём стоит. То лягушка плюхнется поверх, куском холодной каши. И греет спину часами. А мне всё это – терпеть?!

– Куда деваться, ты ж на приколе.

– И то верно.

– Но с другой стороны... Ты посмотри на это иначе!

– Как? Притвориться, что я – путешественник, ставший на якорь по своей воле? Там, где сам пожелал?

– Почти. Ты привязан к тому месту, где появился. Ты не прикован. Ты прирос к нему своими корнями.

– К кому, к нему-то?

– К ней, к Родине!..

Лист задумался. Прошло немало времени, пока он понял, что ему пыталась втолковать Сосна. Потянулся к одному берегу, к другому, – и с наслаждением ощутил сильную опору там, в глубине. Она давала ему свободу действий, направляла, не позволяла ветру сбить с пути и оставить на берегу, тамка¹, на погибель... Когда прекрасный смысл истины пробудил в нём дремавшую доселе гордость, он согласно кивнул и зачерпнул горсть воды, дабы умыться и успокоиться слегка... То лягушка, погревшись за день на солнце, соскользнула в воду, чтобы подремать в тишине. Она-то была вольна идти, куда угодно. Но предпочитала оставаться здесь. В виду у вечнозелёной хонги², подле мощного надёжного корня

¹ там

² сосна

кувшинки, родича нильского лотоса.

– Сырость – везде сырость, – скажете вы.

– Ну, это как посмотреть. – резонно возразит она.

Кусочек лета

Отломила бабочка кусочек полдня и смакует. Медленно и небрежно, словно корова, что жуёт занятую у самой себя порцию травы. Розовые дёсны юбки крыл. Стёртые до пеньков окружия зубов и бездонная чернота небытия. Жаба следит алчно за бесшумною трапезой. Глядит из воды подслеповато. Крадётся ближе, ищет повод, ждёт промаха... Но там лишь взмахи, трепет намёков и порхание. Навзрыд. На виду. Напоказ.

Шершень шепелявит подле. На подлёте норовит сподличать оса. Ан нет, – жаба куда как проворнее. Не ту – бабочку, так хоть этих, посечённых, побитых временем, как молью, с руками, висящими безвольно, наперекор полёту.

Брезгливо утерев губы пальцем, вздрогнув от неприятия, продолжила жаба свои наблюдения.

–Ба-а-бочка... – шепчет жадно жаба.

Сквозь сита крыл её несбывшейся добычи видны уж сгустки спёкшегося заката, вымокшие в воде. То ли от небрежения, то ли сгоряча, либо от усердия через меру, отпущенную ей, осыпаются мелкие чешуйки каплями с крыл. И тянут, блекнут, тонут. И вот уже – слабее взмахи, реже, неувереннее.

– Как быть?! Поверженному места нет под солнцем. И так здесь тесно. – Неуместный сей вопрос, как мхом, порос молчанием на это. И жаба, – Сей момент... – Исчез кусочек лета.

Ты не поймёшь...

– Блажная ты!

Я смеюсь:

– Отчего же?!

– Ну, скажи на милость, чему ты сейчас улыбаешься, а?!

Чему ты радуешься-то?!

– Да что такое, не пойму я...

– Ну, ты стоишь и трёшь эту чумазую раковину. Минут десять уже скребёшь и улыбаешься от виска до виска.

– От уха до уха...

– Да какая разница?! Что ты там в раковине нашла, что?!

Просвети меня, неумного!

– Ты не поймёшь. – отвечаю я и вновь принимаюсь скрести и тереть налёт глины, которая с завидной регулярностью придаёт сияющему корыту раковины замызганный неопрятный и запущенный вид. Я не слишком люблю возню по хозяйству, но в обычных делах всегда можно отыскать некий момент, который окрасит любое действие в приятные сердцу краски.

Если представить, к примеру, что под ногами у тебя не банальный пол, а палуба корабля, то драить палубу окажется намного интереснее. Полуденное солнце заменит торшер, морской ветер ворвётся в настежь распахнутые окна... Шторы взвоятся парусами! Можно даже слегка пошалить и

плеснуть из ведра на середину комнаты, так чтобы не затекло под плинтус, на беду соседям снизу.

– Ты ненормальная?

– ?

– Тринадцать часов выдавливать косточки из вишен! Вся кухня в вишнёвом соке...

– Это не сок. Это кровь.

– Откуда? Ты порезалась?

– Нет. Это нормальная вишнёвая кровь.

– Фу ты. Дурёха. Иди ляг, завтра доделаешь.

– Не могу. Я обещала.

– Что? Кому?

– Вишне обещала, что, если она вырастет и у неё будут дети, то все они будут пристроены. Ни один не пропадёт.

– Кровожадно звучит, не находишь?

– Почему?

– Ты ж их съешь.

– Ну... в общем. Да. Ты тоже, кстати.

А я всё ещё стою и тру раковину.

В ней давным-давно отражается моё розовое от работы лицо. Кабошон капель воды из-под крана смешивается с солёными струями, что текут по щекам.

– Ты скоро?

– Угу...

- Ты плачешь?
- Нет...
- Иди, я домою.
- Не надо, я сама. Уже почти всё...

Я старательно намыливаю перчатки хозяйственным мылом и полощу их. Так долго, пока не становится чересчур жаль самой воды и жителей Африки, что страдают от её недостатка. Мне неинтересно тратить жизнь на пустую болтовню или бессмысленную работу. Но я не упускаю любой возможности надеть резиновые перчатки, чтобы ощутить их невозможно приятный запах. Это аромат надувных игрушек и воздушных шариков из детства. Они были такими же восхитительно резиновыми. И понарошку рвались из рук на весёлом первомайском ветерке. А на самом деле, лишь хотели проверить, насколько крепка связь между нами. Оказалось, что сильна.

- Ты всё-таки плачешь.
- Ну, понимаешь... Почему этого больше нет? Несправедливо так!
- Чего нет-то?
- Детства!
- По-моему, ты совершаешь большую ошибку.
- Что ты имеешь в виду?
- Надо радоваться тому, что есть сейчас. А рыдать над

тем, что прошло... Давай-ка, иди умойся, а я тут сам. И, знаешь, завтра я тебе куплю такой большой шарик, что ты будешь рыдать, вспоминая о нём ещё лет сорок, не меньше.

– Сорок? А чего так мало?!

– Ну, на тебя не угодишь!

Подражание

Море. Армянин полощет помойное ведро на мелководье.

– Что вы делаете?

– А что? Я чуть-чуть, тут немного в ведре...

– Как вам не стыдно!

– ...

– А если я заберусь на ваш обеденный стол с ногами и использую в

качестве туалета?!

– Что сердитая такая, а?!

Вода прозрачная, спелая, словно наливное яблочко, в котором видно каждое семечко с задорным заусенцем носа. У всякого камня на дне своё место. Частью они гладки, другой – зернисты, но ни один не обойдён одобрением рассвета. Большие полосатые рыбы, словно курортники: в пижамах, с газетой под мышкой и полотенцем через плечо, спешат к завтраку. На блюде утра всё, как обычно: кипящие в приливе водоросли с горьковатым соусом морской воды. Рыбы втягивают в себя таллом³ и всё, что на нём, словно макароны, оставляя палевое мучное облачко. В море и около него всё пропитано ароматом соли и перца.

³ тело водоросли

У самых ног снуют рыбёхи. Одна покрупнее, прочие – мал мала меньше. Младшая группа детского сада. Все – сплошь боцманы и каждый седоус. Старшой указывает, что съедобно. Малышня, обнаруживая немалый аппетит и смекалку, подъедает подобное. Наблюдать за этим потешно, а им-то – жизнь, школа, навык.

Килька, отбившись от своих, завернулась в бирюзовый кафтан и базедово⁴ любит купальщицей с воды. Именно, что не из-под, а с неё. А после кружит подле, восхищённый, сбивая её с пути, к матовой глубине, в стаю. Но убедившись в несговорчивости двуногой нимфы, целует влажное упругое тело, незанятое купальным костюмом и, сокрушённый красотой и неприступностью, покидает её, в конце концов. И только верный его паж, малёк, не более половины дюймов⁵ росту, дольше соблазнял земную диву своим серебристо-голубым комбинезоном. Прыгал кузнечиком с волны на волну, заглядывал в глаза игриво и томно:

– Так ли? По нраву ли?

А снизу за тем подглядывает, завалившись на бок, рыба покрупнее. Скоро зима, и кроме пакли морской травы, что вздымает дебелие тела навстречу шторму, и поглазеть-то будет не на что.

Пухлое же дитя чайки любопытствовало, стоя на берегу.

⁴ круглые глаза, признак базедовой болезни

⁵ 2,54 см

Раскачивалось, с явным сомнением удерживая грузное тело. Шевелило гузкой и прислушивалось к пению волн. Ему казалось, что вода тонкой струйкой льётся в объёденное солёным ветром корыто.

Купальщица, озябнув, выходила на берег. Море льнуло к ней, неохотно и медленно опадая в подоспевшую вовремя пену.

– Ты что, малыш? Потерялся?

Чайка внимала, с усилием и настороженностью.

– Гра-гра-гра... – попытка подражать крику чаек оказалась удачной, но... Копирование всегда не на пользу оригиналу. Ребёнок чайки наклонил голову, подошёл ближе. Но, из опасения показаться смешным, вдруг взлетел, нарезая ломтями посыпанный мелкой солью ветер, едва не сдвинув на сторону чуб той, что была столь же нежна, как и его мать, но так на неё непохожа.

– Скоро будет шторм...

– С чего ты решила?

– Рыба ушла в глубину.

– Надо же, а тут тихо!

– Да, так всегда бывает. Это затишье. Затишье перед бурей...

Болван

Мама уехала неделю назад и еда, оставленная ею, давно закончилась. Если быть честным, она закончилась на второй день. Стёпка сначала съел все, что вкусно пахло, потом – то, что просто пахло, ну а после его стошнило. Он пролежал целый день один, никому не было дела до его немоги⁶. Мама-бы, та, конечно, – измерила бы температуру, погладила по животику, принесла б чего-нибудь вкусенького. Кому, кроме мамы, есть дело до него, Стёпки?

Папу он не помнил. Бабушек и дедушек тем более. Какие могут быть дедушки и бабушки у собак? У собак есть хозяева. Или их нет. В обоих случаях это люди. Ну, или, по крайней мере, существа, которые должны быть ими.

Мама у Стёпки была очень породистой собакой. Какой именно, Стёпка понятия не имел. Да и какая ему разница-то?! Мама, она – просто мама, какой бы породы она не была. В конце весны с ней случился конфуз. Она полюбила. Но не того, кого ей прочили в супруги хозяева, а откровенного дворянина⁷, добряка, смуглого тугодума, с широким лбом и сильными лапами. Он немного походил на барибала, чёр-

⁶ хворь, болезнь

⁷ дворяга

ного медведя, обыкновенного жителя канадских лесов. От того-то его и прозвали Мишкой. В нём не было ничего особенного, кроме желания заботиться обо всех в округе. Так как его всегда охотно подкармливали, у него было не только желание, но и возможность поделиться с менее симпатичными и проворными собратьями. Принесёт, бывало, кулёк с провизией, положит на лапы голодной псине. Та взглянет забито и испуганно снизу вверх: «Мне?!» А Мишка улыбается от уха до уха: «А кому же ещё!? Тебе! Кушай, на здоровье!» И сидит рядышком, радуется. А, заодно и следит, чтобы не отобрал никто.

Кстати, Мишка был аккуратным, не чета иным. Пакет из-под угощения всегда относил к площадке, где стояли мусорные контейнеры. Когда дворники заметили эту мишкину чистоплотность, зауважали сильно. Кому ж не приятно, если их труд ценят даже собаки.

Когда, однажды, знакомому щенку раздробило лапу, да так, что из-за запекшейся крови она стала похожей на подгоревший оладий, только лишь мишкина забота о больном спасла тому жизнь. Он не только подкармливал малыша, но в сильные морозы оттаскивал в подвал, поближе к трубам отопления, а поутру выносил на солнышко.

Вот, в этого-то доброго парня и влюбилась по уши мама Стёпки. А как иначе?! Разве можно не полюбить такого парня?!

Когда хозяйева мамы поняли, что произошло, чтобы «скрыть позор», в виду грядущей осенью выставки, решили увезти провинившуюся любимицу подальше.

– Ну, а когда болван⁸ вылупится, сделаем вид, что его и не было. Так и родословную не испортишь, и здоровье собаке не подорвёшь. – сказал хозяин.

– А то ж, если кто проведает, будущим щенкам от правильного отца будет – грош цена. – добавила хозяйка.

Сели в машину и уехали к морю, на берегу которого, к мерному деликатному сердечному ритму прибоя добавился ещё один. В положенный срок собака родила щенка. Широколобого, разлапистого увальня, точь-в-точь, как его папа Мишка. Только глазки мамины. Малыша назвали Стёпкой. Не зачем-нибудь, а для удобства. Не станешь же кричать ребёнку своей собаки «Эй, ты, иди сюда!» Неприлично. Что люди-то скажут?!

Пока мама кормила Стёпку молоком, хозяйева не препятствовали их общению. Более того, щенка учили кое-каким командам, придумывая нормальным собачьим действиям какие-то нелепые человеческие клички. «Сидеть, лежать, принеси...» Стёпка и так, безо всяких команд умел делать всё это. Как только щенок смог кушать самостоятельно, люди засобирались в город.

Насыпали под порог сухого собачьего корма, в миску рядом вывалили банку тушёнки, и наполнили доверху водой

алюминиевую кастрюльку.

– Ну, всё. Хватит. И так с ним возились, поехали. – сказал хозяин.

– Да уж, должен быть нам благодарен, что не утопили, как собаку! – поддакнула жена и хозяин, довольный ею, хохотнул:

– Ну, ты и юмористка у меня. Сказала же: «как собаку»!

Люди затолкали упирающуюся маму Стёпки в корзину, хлопнули дверями автомобиля и уехали. Стёпка остался один.

Через несколько дней, когда он понял, что мама не вернётся, вспомнил, что на берегу моря есть большой камень, добравшись до которого мама обычно ложилась на бок, давая ему, разомлевшему от жары, напиться вволю. Стёпка подумал, что, раз волны бегут по морю для того, чтобы не ленился ветер, то место, в котором он был так счастлив рядом с мамой, не может существовать так, само по себе, без приятных последствий. Если он сделает всё, как обычно, то и мама обязательно появится тут...

И с тех пор, каждое утро чёрный, как засохшая клякса, пёс плавал в море. Делал это долго и с видимым удовольствием. Степенно выходил, выбирал место на берегу и, потеревшись носом о монпансье гальки, вперемежку с облизанными волной битыми стёклами, укладывался. Загорал, и дышал морским воздухом. После отыскивал непарный тапок и принимался грызть его. Если его сгоняли с места, не обижал-

ся. Вежливо вилял хвостом и отходил немного, но так, чтобы не упустить из виду большой камень. Если чужие злые, как мальчишки, собаки, пытались его прогнать, прятался от них в воде. Единственное, чему его успела научить мать – плавать и быть милым с людьми. Вне зависимости, стоят они того или нет.

Мороженое

- Папа, рыбки! Смотри, какие рыбки!
- Да, красивые.
- Поймай мне их!
- Зачем?! Ты голоден?
- Просто так!

Краб, крупный, как тапок. Его выловили и несут в большой стеклянной банке прочь от моря, где он родился и вырос. Короткохвостый рак застыл спиной к дороге, смотрит вслед навсегда исчезающему из его жизни морю. Через стекло пытается уловить взгляд того двуногого, в чьих руках сосуд с водой и его судьба. Но как изловить то, чего нет...

О чём думает этот краб? Хочет ли разжалобить жестоких двуногих? Но чем? Желает отомстить? Но как?! Хочет уговорить вернуть его домой, под мохнатую медвежью лапу горы, что разлеглась на берегу? Вряд ли это возможно. Краб стал нервно и настойчиво стучать по дну банки. Одна только мысль, что ему больше не суждено увидеть, как густая шерсть водорослей полощется на виду у солнца, показалось невыносимой. Он стучал и стучал... Но людям, сытым, рослым, равнодушным не было дела до его, краба, жизни. Им хотелось изловить живую игрушку, и принести в душную комнату. Посмотреть на него, потыкать грязными от еды

пальцами в бусины глаз, в застывшие капли прощального взгляда на море... А потом? А что «потом»?! Его, задохнувшегося в мутной воде, или выплеснут вместе с помощниками, или сварят, покроют лаком и поставят на полку, рядом с таким же прокипячённым и выпотрошенным рапаном. И будут они там пылиться, вдвоём, пока бабушка не затеет генеральную уборку, и не выкинет в мусор.

Всего пару дней назад этот морской житель приветливо махал отдыхающим со дна широкой ладонью. Он сидел, ожидая к завтраку рыбу. Левая рука согнута в локте, намёк на галстук и элегантный жилет,— всё выдавало в нём джентльмена. Он ласково и иронично поглядывал снизу вверх, поправлял свой наряд перед зеркалом поверхности воды и приглашал всех разделить его восхищение палевым безбрежием открытого моря. Миром, в котором достаточно места для того, чтобы сбывались надежды.

– Папа, а почему ты мне не поймал рыбку?!

– Ты так и не понял?

– Нет...

– Сынок, убивать живое просто так, из интереса, подло.

Представь, что дельфин подплыл бы ко мне и потащил бы в открытое море. Ты бы у него спросил: «Куда и зачем вы забираете у меня моего папу?» А дельфин бы ответил тебе: «В море! Просто так, пусть мои дети поиграют с ним!»

– Нет, я не хочу, чтобы тебя забрал дельфин!

– Ну, так и рыбки хотят расти рядом с мамой и папой, в

море, там, где родились.

– А крабы?

– Что крабы?

– Они тоже хотят жить там, где родились?

– Все этого хотят, сынок...

Мальчишка, который уже некоторое время наблюдал за тем, как краб пытается достучаться до людей, что уносят его от моря всё дальше и дальше, обогнал их и попросил:

– Отдайте его мне!

– Вот ещё, – возразил верзила, прижимавший банку с крабом к животу, – он мне самому нужен, я из него чучело сделаю!

– Тогда, быть может, вы продадите мне его? Смотрите, в сувенирной лавке продают таких же, их уже не спасти, а этот ещё живой! – и, обращаясь к отцу, мальчишка попросил жалобно, – Папочка, давай купим у него краба! А я обещаю, что до конца жизни не попрошу у тебя денег на мороженое.

Краб элегантно спланировал на морское дно. Отдышавшись, поправил манишку, встряхнул сюртук панциря и направился к дому, в расщелину скалы, туда, где медведь горы полоскал свою шубу в отливе. На полпути к дому краб услышал, как отец подозвал сынишку и сказал ему:

– Вот, сходи, купи себе мороженого.

– Но я же обещал... – возмущённо и решительно ответил

мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

